

ПРОЛОГ

Агент Леонард присел рядом с телом, тщательно подобрал полы куртки, чтобы не испачкаться в крови.

— Имя уже известно?

Агент Чу покачал головой:

— Судя по беджу — Вудс, но в «Химкоме» много уборщиков, и тот тип, что его нашел, такого имени не слышал. Опознание по понятным причинам невозможно. — Он показал на стоящего рядом полицейского. — Чикагская полиция сейчас допрашивает ночного охранника.

Леонард оглядел тело: два пулевых ранения в грудь, повреждение затылочной части головы. Вместо лица сплошное кровавое месиво. Как и во всех остальных случаях.

Он натянул резиновые перчатки и осторожно повернул голову трупа так, чтобы рассмотреть рану.

— Это определенно наш парень, — подтвердил Леонард, убирая руку.

Голова вернулась в прежнее положение.

Пальцем он провел по пропитанной кровью одежде и удивленно склонился, обнаружив дыру в рукаве:

— Это что такое?

Агент Чу заглянул через его плечо, и Леонард развел края порванной ткани. Внутри тоже была кровь.

— У него и на руке рана, — сообщил Леонард. — Вероятно, от того же ножа, что оставил дыру.

Чу поднял брови:

— Классно!

Полицейский за ними откашлялся.

— Что-что?

— Извините, — сказал Чу, — не хочу показаться бесчувственным, просто... Понимаете, до сего времени Хоккеист практически не оставлял следов. Он очень осторожен. Прежде никто не имел возможности сопротивляться. Ранения такого рода — ножевые порезы на руке — свидетельствуют о том, что жертва защищалась. Значит, убитый видел нападавшего. — Он пожал плечами. — Возможно, видел.

— Чертовски много допущений, — проворчал полицейский.

Агент Леонард перешагнул через тело, чтобы осмотреть другую руку:

— Да, и на этой то же самое. Жертва чуть не потеряла палец. — Он взглянул на Чу. — Этот парень явно сопротивлялся.

Чу посмотрел вглубь коридора, пересчитывая повороты.

— За этим углом, вероятно, его поджидала засада — жертва выходит, а тут с пистолетом ждет убийца — и бабах! Две пули в грудь, потом занялся лицом. По крайней мере, мы полагаем, что план у него был именно такой. Подобным образом он действовал во всех остальных случаях. Почему же в этот раз не получилось?

Леонард стянул перчатки.

— Раны оборонительного характера появились первыми, а это означает, что нож он использовал до пистолета. Может, не успел вовремя вытащить?

— Но если убийца сидел в засаде, то пистолет у него уже был наготове, — возразил Чу.

Он прошелся вдоль коридора. Каблуки звонко простучали по бетонному полу.

— Ясно? Шаги хорошо слышны, а здесь не слишком тихо. Поздно вечером, когда не было целой бригады судебных экспертов, шаги звучали очень громко.

— Значит, жертва идет отсюда, — начал рассуждать Леонард, направляясь к Чу, — приближается к углу, и тут Хоккеист наносит удар ножом. Жертва отбивает его рукой и бросается назад... — Он помедлил, глядя на пол. — Правда, тут крови нет — только у тела.

— И стреляли в грудь, — добавил Чу, — не в спину. Нам понадобится целая команда, чтобы сообразить, как проходила схватка, — баллистики, медики, бог знает кто еще.

— Или можно опросить охранников, — предложил полицейский, показывая в коридор. — Похоже, в здании есть камеры наблюдения.

Чу и Леонард посмотрели в том же направлении: на дальней стене висело нечто, напоминающее стеклянный пузырек.

— Быть не может! — изумился Леонард. — Он никогда не засвечивался на камере.

— Думаете, камера действует? — спросил Чу. — Тепло нашел другой уборщик, а не охранники, которые следят за мониторами.

— Этот коридор похож на склад. — Полицейский смотрел на широкие, равномерно расположенные две-

ри. — Возможно, камеры и не выведены на монитор — просто пишут на жесткий диск, чтобы была возможность выяснить, кто входил или выходил.

— Прекрасно, — проговорил Леонард. — До этого мы его даже мельком не видели — слишком уж осторожен. Если получим изображение, это будет просто здорово.

Чу кивнул и снова глянул в коридор:

— Ну, тогда хватит об этом мечтать — пойдем поищем записи.

Ночной охранник сидел в главном вестибюле «Химкома» вместе с уборщиками и давал показания местной полиции. Он ничего не знал — или только утверждал, что не знает.

Чу и Леонард вместе с охранником прошли в кабинет службы безопасности, чтобы изучить записи.

— Когда, по-вашему, это произошло? — спросил служащий.

— Около часу, может, в час пятнадцать, — ответил Леонард.

— Давайте посмотрим на быстрой перемотке, — предложил Чу. — А когда покажутся люди, перейдем в нормальный режим.

Мужчина кивнул и загрузил файл. Появился длинный черно-белый коридор. Щелчок по кнопке «быстрая перемотка», и счетчик времени в уголке экрана начал ускоренный отсчет, но ничего не происходило.

Он ускорил перемотку. Вдруг на экране мелькнула тень и тут же взорвалась яркой вспышкой. Агенты и охранник одновременно выругались. Изображение превратилось в густую метель, словно пропал сигнал.

— Перемотайте назад! — приказал Леонард, вперившись в экран.

Охранник нашел первое появление уборщика и нажал «воспроизведение».

— Час тринадцать. Да, ребята, вы в точку попали. — Он ткнул пальцем в счетчик времени.

— Тихо! — бросил Чу.

На экране возникли помехи. Сигнал будто прервался, а затем снова восстановился. Вскоре появился уборщик. Он остановился у двери, проверил замок и направился дальше.

— Да, это Брэндон, — сообщил сотрудник «Химкома».

— Вы его знаете? — уточнил Леонард.

— Не очень. Он не слишком разговорчивый, но именно мне каждую ночь приходится его проверять. Зовут Брэндон Вудс, живет... где-то за городом.

Леонард и Чу переглянулись, потом снова посмотрели на экран.

Брэндон Вудс шел по коридору, но перед поворотом резко остановился и схватился за голову, словно у него вдруг случился приступ невыносимой мигрени. Он явно что-то говорил, но запись велась без звука, а изображение было слишком мало, чтобы расшифровать речь по движению губ. Вудс сжимал голову, кричал и отступал к камере.

— Ваша компания проверяет сотрудников на употребление наркотиков? — спросил агент Леонард.

— Да, примерно раз в год, — пояснил охранник, — но всех в разное время. По случайной выборке. Думаете, Брэндон употреблял наркотики?

— Я пока ничего не думаю, — сказал Леонард. — Просто собираю информацию.

Чем дальше отходил Брэндон Вудс, тем, казалось, слабее становилась боль. В следующее мгновение из-за угла появился новый персонаж: некто в черном, в лыжной маске и с пистолетом. У агента Леонарда перехватило дыхание: вот тот, кого он давно искал. Незнакомец поднял оружие, и уборщик увидел его. Изображение неожиданно несколько раз мигнуло. Пространство между Вудсом и нападающим зарябило. Эта рябь словно отбросила убийцу к дальней стене. Он отлетел и выронил пистолет.

— Что за черт! — прошептал Чу.

Убийца с трудом поднялся и потянулся к пистолету. Увидев бегущего на него Вудса, понял: времени нет. Расставил ноги, приготовился к отражению атаки. За секунду до того, как Вудс набросился, между ними сверкнула вспышка, словно электрической дугой соединив два тела. Световой удар сотряс человека в черном. Он сумел оттолкнуть уборщика и из ножен на поясе выхватил длинный охотничий нож.

Уборщик остался на ногах. Он принял боевую стойку, а экран в этот момент снова задрожал. По коридору прошла рябь, но не направленная, как в первый раз. Теперь она волной исходила от уборщика и распространялась повсеместно. Почти сразу она ударила по нападавшему. Через мгновение волна достигла камеры наблюдения, изображение взорвалось, и по экрану опять повалил снег помех.

Трое мужчин молча смотрели на дисплей. Наконец агент Чу заговорил:

— Что это было?

— Уборщик, — подумав, сказал охранник, — атаковал серийного убийцу своим разумом. Это... вроде бы совершенно ясно.

Агент Леонард раскрыл перед его носом футляр со значком:

— Я показываю вам значок, чтобы напомнить, насколько серьезен, когда говорю, что все увиденное вами сегодня является государственным секретом. Мы конфискуем файл, камеру и все копии, которые могут существовать. Вы никому не должны ни слова говорить об этом. Вам ясно?

Охранник нервно сглотнул и кивнул. Агент Чу подался вперед, схватил мышку и перемотал видео. Он остановил картинку на убийце с ножом, что притаился в конце коридора, впился в него взглядом.

А человек на экране не сводил глаз с агента.

ГЛАВА 1

«Кто ты?»

Я на больничной койке. Об этом свидетельствуют металлические боковые рельсы кровати и белые халаты на людях. Лампы дневного света создали над головами незнакомцев сияющие нимбы. С трудом вновь открываю глаза, вижу пока еще как в тумане. В вене игла, трубка с внутривенной жидкостью уходит куда-то назад. Меня подташнивает, движения замедленны, свет режет глаза. Как я сюда попал? Где Люси?

— Мистер Шипман, вы очнулись, — обрадовался один из белых халатов. — Хорошо, молодцом. Вы нас напугали.

Он знает мое имя. Я смотрю на него, пытаюсь сфокусировать взгляд. Это пожилой человек, возможно за шестьдесят. Рядом с ним двое мужчин и одна женщина — вероятно, тоже врачи. У двери я вижу охранника... Охранника? Или просто санитаря? Я не понимаю, что происходит.

В горле сушь, я пытаюсь заговорить:

— Почему я не помню, как попал сюда?

— Меня зовут доктор Мюррей, — представляется он и продолжает: — Вы упали. Не припоминаете падения?

Что я помню? Вроде бы прятался, а потом... погоня? Кто-то меня нашел. Да, абсолютно точно. Потом — как бежал. И город был безлюден, полон нежилых домов, а после — глубокая темная нора, как колодец или ствол шахты.

Я убежал от плохих людей — это мне известно. Меня поймали? А эти врачи? Может быть, они из той же шайки? Останавливаю поток мыслей, пытаюсь сосредоточиться.

— Где Люси?

— Кто?

— Люси. Моя подруга, она была со мной в... А где я был?

— Что вы помните?

— Яму, — говорю медленно, глядя на их лица. — Я свалился в яму.

Доктор Мюррей хмурится: думает, я ошибаюсь. Так ли это? Но яма точно была, и он сам сказал, что я упал, и... Голова раскалывается. И разум тоже. Доктор Мюррей перелистывает документы в тонкой папке, придерживает страницу, чтобы прочесть лежащую под ней.

— Вы выпали или выпрыгнули из окна. Помните это?

Не отвечаю, пытаюсь сообразить. Думай, Майкл, думай!

— Мы беспокоились, что вы покалечились, — сообщает один из врачей, — но у вас все цело.

— Если он потерял память, — говорит женщина, — то, вероятно, ударился головой сильнее, чем мы думали.

Обвожу взглядом комнату, пытаюсь в полной мере уяснить, где я: обычная больничная палата со шкафчиками, занавесками, на полках вдоль стен несколько бутылок с бактерицидным мылом. Компьютеров не видно. Хорошо.

— Если бы у него была травма головы, мы бы это увидели, — продолжает другой врач. — Ушибы в основном на руках и ногах — приземлился он, как на парашоте.

— Мистер Шипман... — произносит доктор Мюррей, перехватывая мой взгляд и улыбаясь, — Майкл, вы можете нам сказать, где находились последние две недели?

Хмурюсь, мои подозрения усиливаются. Я пытался исчезнуть, и вроде бы мне это удалось. Но теперь я здесь, под внимательными взглядами медперсонала, среди всего этого оборудования. Незаметно шевелю ногами под одеялом. Непохоже, что меня связали. Вероятно, это просто врачи. Возможно, они не включены в План. Простые медицинские работники, которые хотят поставить пациента на ноги. Они не имеют представления, кто я. Преследователей моих тоже не знают. Есть шанс, что удастся уйти.

Может получиться. Однако, когда между тобой и дверью стоит пять человек, это представляется весьма сомнительным. Нужно дождаться удобного момента.

— Майкл, мы хотим вам помочь. — Доктор снова улыбается. Они всегда слишком много улыбаются. — Вы же понимаете: когда мы увидели досье и поняли, кто вы, у нас возникли вопросы.

Смотрю на него холодно. Значит, им известно, кто я. По крайней мере, о некоторых фактах они имеют

представление. Напряжение возрастает, но заставляю себя успокоиться. Если они знают, кто я, из этого еще не следует, что План раскрыт.

— Нет, — твердо говорю я. — Не понимаю.

Люди, от которых я убежал, следили за мной долгие годы. Если бы они отдали врачам мое досье, те знали бы все. Снова шевелю ногами, принимаю положение, из которого легче броситься на доктора, если понадобится.

— И что в досье?

Он поднимает старую картонную папку с загнутым зеленым стикером вместо закладки.

— То, что обычно пишут, — сообщает врач. — История болезни, особенности стационарного лечения, психологическая характеристика...

— Пойдите, — прерываю я. — И это все? Только история болезни?

Доктор Мюррей кивает:

— А что еще у нас может быть?

— Ничего. — Значит, настоящего досье у них нет — лишь та липа, что есть у администрации. Неплохо, вот только теперь могут возникнуть другие проблемы. — Все это ерунда.

Доктор кидает взгляд на стоящего рядом человека.

— Мы врачи, Майкл, для нас это не ерунда.

— История болезни — липа, — говорю я. Теперь я понимаю, что могу доверять врачам, но как объяснить, что происходит? — Досье администрации штата было создано... — Оно было создано безликими. Теми, кто преследовал меня. Но я достаточно умен, чтобы не сообщать врачам правду, — все равно не поверят.

— Досье составили просто так, ради шутки. Оно ничего не значит.

Доктор Мюррей снова кивает:

— Понятно. — Он пролистывает досье дальше. — Бессрочное лечение по диагнозам «депрессия» и «тревожный невроз». — Переворачивает страницу. — Две недели в психиатрической больнице города Пауэлла четырнадцать месяцев назад. — Перелистывает еще страницу. — Многократный курс клоназепама на средства социальной службы штата. — Он поднимает взгляд. — Вы утверждаете, что это какая-то шутка?

Как мне все объяснить и не показаться сумасшедшим? Закрываю глаза. Подступает паника, и начинается нервная дрожь. Сжимаю кулаки и набираю в легкие воздух. Все в порядке. Они не работают на План. Меня даже не связали. Если сумею усыпить их подозрительность, то, вероятно, выберусь отсюда. В очередной раз осматриваюсь — никаких компьютеров, телевизор выключен. Возможно, со мной все в порядке.

— Это просто... местные врачи, — выдыхаю я. — Вам нужно поговорить с моим лечащим врачом, семейным. Его зовут доктор Амброуз Ванек. Он все прояснит.

— Мы немедленно с ним свяжемся, — успокаивает Мюррей. Он кивает коллеге, тот делает заметку у себя в блокноте и выходит из палаты. — К сожалению, никаких сведений о вашем докторе нет, иначе бы с ним уже связались. Мы позвонили по единственному найденному в документах номеру — это некто Л. Бриггс, но абонент недоступен. Это и есть ваш друг Люси?

— Моя девушка, — уточняю я с выражением человека, пытающегося быть полезным. Добрались ли до нее безликие? Имею ли я вообще право втягивать Люси во все это? — К сожалению, мне ее телефонный номер неизвестен.

Брови доктора Мюррея изумленно приподнимаются.

— Вы не знаете телефона своей девушки?

— Я не пользуюсь телефонами.

— Вот как. — Он кивает и ставит пометку. — С кем-нибудь еще мы можем связаться?

— Нет.

Мюррей чуть встряхивает папку:

— Здесь сказано, что вы живете с отцом.

— Да. Но не надо звонить ему.

— Его сын в больнице. Он наверняка волнуется.

Я еще сильнее сжимаю кулаки, стараюсь дышать ровно:

— Прошу вас.

Доктор Мюррей смотрит на меня некоторое время, потом кивает:

— Как угодно. — Он изучает очередной документ. — Здесь сказано, что клоназепам вам выписывал доктор Литтл еще в лечебнице Пауэлла. Майкл, вы принимали таблетки?

— Разумеется. — Это ложь, но я киваю в подтверждение собственных слов.

Таблетки я получал по рецептам каждые несколько недель, но уже давно перестал их употреблять. Возможно, пилюли и не входят в План моих врагов, но к чему рисковать?

— Отлично! — преувеличенно радуется доктор, но я замечаю, как дрогнули в усмешке его губы.

Мюррей мне не верит. Я пытаюсь вспомнить еще что-нибудь, чтобы его успокоить. Какие еще документы у него в этой папке? Возможно, там говорится о моей работе у Мюллера; эту работу предложил мне штат.

венного вливания, но я вижу черную коробочку всего в нескольких дюймах за моей головой. На ней мерцают и вращаются красные линии, по мере того как жидкость медленно стекает мне в руку.

Врачи моментально пресекают мою попытку спрыгнуть с кровати.

— Майкл, спокойно! Что случилось?

— Я должен идти, — говорю со стоном сквозь зубы.

Грудь мучительно стеснена. Сцарапываю с руки пластырь, вытаскиваю иглу. Врачи не успевают меня остановить. Боль пронзает руку.

— Фрэнк! — зовет доктор Мюррей.

Громила от двери устремляется к кровати, хватая за плечи.

— Нет! — кричу я. — Нет, мне нужно идти!

— Держи его!

— Майкл, что случилось? — снова спрашивает Мюррей, нависая надо мной. — В чем дело?

— Вы не понимаете! Уберите это, пожалуйста. Уберите ее из комнаты!

— Что убрать?

— Стойку, монитор — что там у вас. Уберите их!

— Успокойтесь! Объясните, что вас не устраивает!

— Я вам объясню, уберите их отсюда!

— Доктор Пайн, — говорит Мюррей, кивая на стойку для внутривенных инъекций.

Женщина отпускает мою ногу и катит стойку к двери, на ходу собирая трубки.

Она задвигает все это за дверь. Становится легче, но я все еще чувствую, что наблюдение не прекратилось. Знают ли об этом врачи? Нет, исключено. Не могут знать, иначе их бы здесь не было. Это подразуме-

Может, удастся убедить Мюррея, что я не стою его волнений.

— Если я не покалечился при падении, то мне, наверное, нужно поскорее заняться делом? — Улыбаюсь, стараясь выглядеть нормальным. — Мистер Мюллер рассчитывает на меня. — Доктор никак не реагирует, потому продолжаю: — Вы же знаете пекарню на Лоуренс-стрит. Там делают лучшие пончики в городе, и я с удовольствием пришлю их вам.

Мне нравилось там трудиться — никаких перфокарт, никаких компьютеров.

— Да, — говорит доктор Мюррей, переходя к другой странице, — именно мистер Мюллер и сообщил о вашем отсутствии. — Он поднимает взгляд. — Если не ошибаюсь, вы не появлялись в пекарне почти две недели, вот он и забеспокоился. Майкл, вы можете сказать, где провели это время?

Значит, и до Мюллера добрались. Нервно оглядываю палату: техники нет. Возможно, здесь все чисто.

— Мне нужно уйти.

— Вы помните, где находились?

Нет. Обшариваю мозг, пытаюсь извлечь хоть какие-то воспоминания. Пустые дома. Темная дыра. Ничего. Мысли словно пробиваются сквозь вязкий сироп, и тошнота не проходит. Может, меня накачали наркотиками? Поворачиваюсь, пытаюсь разглядеть, что за кроватью.

— Майкл, с вами все в порядке?

Поднимаю руку, выгибаю шею, свешиваясь за край койки и почти мгновенно, словно от удара, падаю назад, на кровать. За моим плечом стойка, на которой обычно крепится мешочек с жидкостью для внутри-

вает, что они друзья, но только если буду действовать быстро. Я слишком уж психанул из-за этого монитора. Теперь я раскрыл перед безликими карты. Женщина возвращается. У нас мало времени.

— Что здесь есть еще? — спрашиваю я, роняя голову на подушку и позволяя санитару удерживать меня. «Не сопротивляйся. Они должны поверить тебе». — Какие-нибудь мониторы? Компьютеры? Мобильники?

— Майкл, у нас у всех телефоны. Мы врачи...

— Унесите их отсюда.

— Майкл, пожалуйста, успокойтесь...

— Это важно! — Закрываю глаза, пытаюсь понять, который час.

Как давно я в палате? Три минуты после того, как пришел в себя, плюс-минус несколько секунд. Но кто знает, как долго лежал без сознания. Сколько остается до того, как они заявятся сюда?

На игры нет времени, а народу слишком много, чтобы драться. Сейчас нужно выложить правду и надеяться на лучшее. Набираю в легкие побольше воздуха и говорю:

— Я все расскажу, но только когда в комнате будет чисто. Чтобы никаких электронных приборов.

Доктор Мюррей кивает, но как-то самодовольно, словно слышал все это прежде: перед ним еще один псих.

— Майкл, почему вас пугают электронные приборы?

То же самое было и в прошлом году — вследствие таких же самоуверенных допущений я оказался в дурдоме. Если система решает, что ты псих, ничего нельзя с этим поделать. Мотаю головой:

— Сотовые телефоны должны быть убраны.

Мюррей несколько секунд смотрит на меня, переводит взгляд на остальных, пожимает плечами:

— Хорошо, Майкл. Как угодно, если вам так легче. Но вы должны объяснить.

— Поспешите. — Пытаюсь не допускать в голос отчаяния.

Мюррей собирает все сотовые и выносит в коридор, возвращается минуту спустя. Открывает рот, но я опережаю:

— Слушайте внимательно, все слушайте, потому что я не знаю, сколько времени у нас есть. Извините, что втянул вас в это, но меня преследуют очень опасные люди, и мне необходимо как можно скорее убраться отсюда. Они могут выследить меня. Они могут выследить всех нас с помощью электроники: компьютеров, сотовых телефонов, телевизоров, радиоприемников — чего угодно. Знаю, в это трудно поверить. Скажите, окно здесь открыто?

Мюррей снова кивает:

— Спокойнее, Майкл, давайте спокойнее...

— Вы не понимаете. Они будут здесь в любую минуту. Слушайте, если окно не открывается, можно выбраться через коридоры. Только нужно держаться подальше от техники. На служебных лестницах обычно стоят камеры, так что мы не можем рисковать...

— Майкл, вас никто не преследует.

— Очень даже преследует. Это безликие люди. Они могут найти меня по сотовым телефонам, компьютерам, по чему угодно, что посылает и принимает сигналы. Вас они не ищут, так что можете остаться, позвольте только мне уйти...

— Хоккеист, — шепчет женщина.

Поднимаю взгляд: все четыре доктора и санитар отступили.

Пытаюсь понять, что у меня сзади.

— Что еще за Хоккеист?

— Когда вы говорите «безликие», — спрашивает она, — вы этим хотите сказать, что лица... были уничтожены?

— Нет. — Я поворачиваюсь к врачам. Что у них на уме? — Нет, ничего подобного. Они безлики в буквальном смысле — ни глаз, ни носа, ни ртов — ничего, сплошное ничто. — Я провел рукой по лицу, помогая им понять.

Несколько секунд они глазеют на меня, и я проникаюсь надеждой.

— Это не просто тревожный невроз, — произносит один из них, остальные кивают.

— Я не сумасшедший.

— Травма мозга? — задает вопрос кто-то из врачей. Они уже беседуют так, будто меня здесь нет.

— Не исключено, — говорит другой. — Или психическое заболевание. Может, шизофрения?

Женщина смотрит с опаской:

— На прошлой неделе был такой же случай. Нельзя рисковать.

Меня пробирает дрожь. Становится трудно дышать.

— Прошу вас — о чем это вы?

Доктор Мюррей замолкает, внимательно смотрит на меня, потом шепчет что-то на ухо коллеге, тот быстро покидает палату. Мюррей подходит вплотную:

— Майкл, я должен задать вопрос, а вы должны ответить максимально точно и честно.

Смотрю на дверь. Куда ушел тот врач? За чем или за кем послал его Мюррей?

Доктор сверлит меня взглядом:

— Вы видели когда-нибудь трупы с уничтоженными лицами?

— К чему вы это спрашиваете? Где я мог видеть такое?

— Помните, где были в течение двух последних недель?

— Нет! — срываюсь на крик. — Ничего я не помню! Объясните, что происходит!

Доктор Мюррей бросает взгляд на остальных врачей, потом снова смотрит на меня:

— Вы что-нибудь слышали о Хоккеисте?

Я замираю:

— Вроде что-то знакомое.

— Это серийный убийца.

В животе словно образовалась пустота. Не оттого, что услышал прозвище убийцы, а от выражений на лицах врачей. Они явно боятся.

Боятся меня.

— За последние восемь месяцев, — сообщает доктор Мюррей, — Хоккеист убил почти десять человек в Чикаго и окрестностях. Никто понятия не имеет, кто он такой, но все газеты только о нем и пишут. Вы уверены, что ничего не знаете об этом маньяке?

— Я не смотрю телевизор, — отвечаю, глядя на темный экран: могут ли безликие наблюдать за мной через выключенный телевизор? — Зачем вы спрашиваете? Какое это имеет отношение ко мне? И почему вы так испуганы?

— Если бы вы смотрели новости, то знали бы: когда Хоккеист убивает, он калечит тела. — Доктор хму-